

Известия. - 1989. - 4 окт
- с. 5Шведская
опера в Москве

Неудивительно, что весть о гастролях Шведской королевской оперы взволновала публику, и столько людей вечерами у Большого театра вымаливали «лишний билетик» — Москва еще помнит встречу с театром в 1975 году. Гости привезли две свои недавние работы — «Дон Жуан» Моцарта и «Лознгрин» Вагнера, подтвердив высокий профессиональный уровень коллектива, готового решать трудные художественные задачи.

Постановка «Лознгрин» (режиссер Гётц Фридрих) стилистически близка запомнившейся нам вагнеровской театрологии «Кольцо Нибелунга», и, думается, выбор подобного ключа наиболее правилен. Опять строгие, скульптурно вылепленные мизансцены, предельная экономия предметов реквизита, огромная выразительность света, символика цвета — контрасты синего, белого, серебристого и багрово-красного, черного, фиолетового в окраске одежд, соответственно конфликту сил Добра и Зла, невинности и коварства. Ступенчатая архитектурная конструкция позволила выгодно и разнообразно располагать группы хора и миманса, ведь хорам принадлежит важная функция в драматургии «Лознгрин».

Превосходны основные солисты: Эльза — Мари-Анне Хэггандер, обладательница soprano дивной красоты, Ортруда — Берит Линдхольм и Тельрамунд — Бьерн Аскер, Лознгрин — Томас Суннегорд. Нельзя, впрочем, не пожалеть, что эпизод прощания с лебедем скомкался и погас: ликвидировав появление лебедя, режиссер удалил Лознгрин в глубь кулис, к заднику. Понятно, бутафорская птица и бутафорская ладья внесли бы элемент приевшейся, многократно осмеянной оперной вампуки, однако пленительную кантилену этого прощания почти невозможно было расслышать. Или виною акустические условия «чужой» сцены Большого театра?

«Дон Жуан». Средневековая испанская легенда, как известно, породила множество версий — наивно-морализаторских, фарсовых, трагедийно-философских — и продолжает их порождать. Подзаголовком *dramma giocoso*, «веселая драма», композитор подчеркнул необычность сплава традиций жанра большой серьезной оперы и оперы-буфф. Дает ли партитура поводы для сниженной, приземленной трактовки центрального образа? Нет, моцартовский герой —

отнюдь не просто олицетворение порока, развратник и бессердечный эгоист, попирающий божеские и человеческие нравственные заповеди, он наделен рыцарской храбростью, неукротимым жизнелюбием, а главное — неотразимым обаянием, которое в той или иной мере испытывают на себе все персонажи, включая Лепорелло. И женщины-мстительницы не просто «жертвы», но и некие зеркала, где преломленно отражается ослепительная индивидуальность исполнителя. Постановка стокгольмцев заострила контраст персонажей — носителей скучноватой, пресной добродетельной морали и цинизма, превратив Дон Жуана в легкомысленного, малопривлекательного гуляку, торопливо бросающегося из авантюры в авантюру. Режиссер Ральф Лонгбакка не без юмора утверждает: «драма» героя состоит в том, что ему так и не удастся соблазнить ни одной особы женского пола... Руководствуясь этой идеей, постановщик всячески акцентировал моменты плотские, эротические, порою наперекор либретто и партитуре ввел мизансцены парадоксально неожиданные. (Дон Жуан поет знаменитую арию с шампанским, сидя в деревянном ушате, пока Лепорелло трет мочалкой его голую спину и ноги...) Были тут и бесспорные режиссерские находки, например, интересно и свежо решено финальное появление Командора.

Музыкальная сторона спектакля в целом отличается высокой культурой — дирижер Зигфрид Кёлер. (Он же дирижировал в «Лознгрине»). Поражает мастерское исполнение ансамблей и, конечно, прекрасные певцы.

Два спектакля — две разные творческие манеры. Конечно, вагнеровский «Лознгрин» предполагает другой подход, другой стиль воплощения, чем моцартова «веселая драма». Однако дискуссионная трактовка последней наводит на раздумья о судьбах и перепутьях современного оперного театра. Натиск «самовыражающейся» режиссуры и в театре драматическом ныне стал вызывать сетования критики и актеров, а для оперы, где все чаще функции хозяина берет на себя художники, формировавшиеся вне музыки, это чревато сугубыми опасностями. Да, опера изрядно растеряла былой авторитет, влияние, да, надо приветствовать стремление отряхнуть с нее налет «музейности», сухого академизма, вернуть симпатии широкой аудитории. Речь идет не о придирчивой охране классики — вряд ли перспективной в наши дни, но об органичности (или неорганичности) соединения музыки и надстраиваемого над ней зрелища, сколь бы смелыми, оригинальными идеями оно не мотивировалось. Мне кажется, постановщик «Дон Жуана» руководствовался подчас желанием непременно придумать что-то, до чего не додумался великий композитор — драматург прошлого.

М. САБИНИЦА.